

УДК 875:798

Ксенофонт. О верховой езде / Пер. с др.-греч. и прим.
В.В. Понарядова. – Сыктывкар, 2005. – 80 с.

Древнегреческий автор Ксенофонт написал в начале IV века до н. э. трактат, который лег в основу классического искусства верховой езды древности и нового времени. Даже сейчас, почти через две с половиной тысячи лет, большая часть того, о чём говорил Ксенофонт, сохраняет свою актуальность для конников. Комментированный перевод этого произведения на русский язык выполнил кандидат филологических наук В. В. Понарядов.

ΞΕΝΟΦΩΝΤΟΣ
ΠΕΡΙ ΙΠΠΙΚΗΣ

КСЕНОФОНТ
О ВЕРХОВОЙ ЕЗДЕ

Перевод с древнегреческого и примечания
В. В. Понарядова

О КСЕНОФОНТЕ И ЕГО ТРАКТАТЕ

Ксенофонт, сын богатого афинянина Грилла, родился около 444 (по другим предположениям, около 430 или даже 325) года до н. э. Достоверно известно, что в молодости он был учеником знаменитого философа Сократа, но другие факты его ранней биографии (до 401 года) восстанавливаются только предположительно.

Есть сообщения, что он участвовал в спартанско-афинской войне, служа в афинской коннице. Когда в 404 году в потерпевших поражение Афинах была уничтожена демократия и установлен режим Тридцати тиранов, проаристократически настроенный Ксенофонт, вероятно, его поддержал, а когда демократия была восстановлена, был вынужден эмигрировать. Кстати пришлось присланное его другом Проксеном письмо с приглашением вступить в войско персидского царевича Кира, который сидел в Сардах в качестве сатрапа малоазиатских областей Лидии, Фригии и Каппадокии и набирал греческих солдат якобы для войны с враждебным соседним сатрапом Тиссаферном и союзными ему горцами-писидийцами. На самом деле Кир был обижен своим царствующим братом Артаксерксом и собирался использовать греческих наёмников, чтобы самому сесть вместо него на царство, но никто из греков, кроме одного военачальника Клеарха, этого не знал.

Весной 401 года Кир выступил в поход с войском из 13 000 греков и около 40 000 других воинов — якобы на писидий-

цев. Вскоре обман раскрылся, но поворачивать уже было поздно; конфликтную ситуацию Кир уладил, увеличив жалование, которое платил наёмникам. Его войско беспрепятственно продвинулась до деревни Кунакса в Месопотамии, где было встречено войском предупрежденного Тиссаферном Артаксеркса. 3 сентября 401 года произошла решающая битва. Греки, стоявшие у Кира на правом фланге, довольно легко разбили левое крыло царской армии, но в других местах сражение затянулось, а затем Кир был убит, и всё его войско, кроме греков, бросилось бежать. Греки же, несмотря на то, что остались в одиночестве, победили, но в итоге они оказались посреди враждебной страны в очень трудном положении, которое стало еще более тяжёлым после того, как Тиссаферн обманом захватил и казнил греческих военачальников.

Греки решили пробиваться к черноморскому побережью, чтобы найти приют в имевшихся там греческих колониях, и выбрали новых командиров. В их числе был и Ксенофонт, причём благодаря своему опыту и способностям он вскоре занял в походе главенствующее положение. Выдержав тяжелейшую борьбу с врагами и природой, через восемь месяцев маршей и сражений около 6000 воинов вышли к морю, достигнув греческого города Трапезунд.

Затем войско двинулось к городу Хрисополь (на азиатском берегу Босфора), и там большая часть греков нанялась на службу к фракийскому царю Севту. Ксенофонт же с оставшимися при нём воинами присоединился к спартанской армии, которая в это время была прислана в Малую Азию, чтобы воевать против персидских сатрапов Тиссаферна и Фарнабаза.

Когда в 396 году до н. э. в Азию прибыл спартанский царь Агесилай, Ксенофонт сблизился с ним; Агесилай навсегда остался для него любимым героем. Вместе с ним Ксенофонт вернулся в Грецию и в 394 году находился при нём во время битвы при Коронее, где спартанцы сражались не только против фиванцев, но и против афинян, бывших в союзе с фиванцами. Как следствие, в Афинах был принят закон об изгнании Ксенофонта, а его афинское имущество было конфисковано.

Ксенофонт перебрался в Спарту и получил земельный надел в местечке Скиллунт в Элиде, неподалёку от Олимпии. С женой и двумя сыновьями, Гриллом и Диодором, он провёл здесь много лет вдали от общественной жизни, занимаясь сельским хозяйством, охотой, литературными трудами и принимая друзей. Эта спокойная, идиллическая жизнь продолжалась до 371 года, когда поражение, нанесённое Фивами Спарте при Левктрах, привело к отпадению Элиды, и Ксенофонт вынужден был перебраться в Коринф.

Поскольку Афины и Спарта к тому времени стали союзниками, Ксенофонту удалось достичь примирения со своей родиной. Закон об изгнании Ксенофонта был отменён. В 362 году до н. э. оба его сына, выросшие в Спарте, сражались при Мантинее против Фив в рядах афинских всадников; старший из них, Грилл, в этом сражении был убит.

Сам Ксенофонт, видимо, в Афины так и не вернулся. Он умер в Коринфе в глубокой старости — не ранее 356 или даже 354 года, как видно по откликам в его произведениях «История Греции» и «Доходы» на текущие политические события.

Результатом плодотворной и разносторонней литературной деятельности Ксенофонта, которой он посвятил себя во время пребывания в Скиллунте и Коринфе, явилось написание ряда сочинений исторического, философского, политического и дидактического характера. Перечислим эти произведения:

«Анабасис» в 7 книгах — рассказ о походе Кира против Артаксеркса и героическом отступлении «десяти тысяч» греков, в котором, как выше сказано, принимал участие сам Ксенофонт;

«История Греции» (или «Эллиника») в 7 книгах, служащая продолжением «Истории» Фукидида, начиная с 411 года до н. э. (когда Фукидид прекращает повествование), и доводящая изложение событий до битвы при Мантинее, произошедшей в 362 году;

«Агесилай» — небольшое произведение, представляющее собой панегирик этому спартанскому царю, который стал для Ксенофонта идеалом человека и полководца;

«Киропедия» в 8 книгах — род исторического романа о Кире Старшем, основателе персидского государства, где во многом раскрываются политические, нравственные и педагогические идеалы Ксенофонта, сочетающие сократовские принципы и спартанскую практику;

«Воспоминания о Сократе» в 4 книгах, излагающие моральные принципы Сократа и написанные, чтобы защитить память учителя от обвинений в безбожии и развращении афинской молодёжи;

«Защита Сократа на суде» — короткая речь, выражающая мотивы, побудившие философа предпочесть смерть жизни;

«Пир», где через картину бесед философов в доме богатого афинянина Каллия во время праздника Великой Панафиней обрисовывается характер Сократа;

«Домострой» — трактат в форме диалога Сократа с Критобулом, в котором Сократ даёт советы об управлении домашним хозяйством и собственностью;

«Гиерон» — диалог, в котором сиракузский тиран Гиерон II описывает трудности и опасности, которым подвергается властитель, а поэт Симонид в ответ перечисляет возможности совершения добрых дел, которые даёт обладание властью;

«Государственное устройство Спарты» — описание строя, установленного в Спарте Ликуртом, который Ксенофону представляется идеальным;

«Государственное устройство Афин» — трактат об афинской демократии, традиционно приписываемый Ксенофону, хотя в действительности ему не принадлежащий;

«Доходы» — памфлет в поддержку финансовой политики, проводимой в Афинах государственным деятелем Эвбулом (который, в числе прочего, был инициатором отмены закона об изгнании Ксенофонта);

«Об охоте» (или «Кинегетик»), где даются практические указания о подготовке охотничьих собак, о преследовании зайцев, оленей, львов и другой дичи, а в конце автор убеждает молодых людей не увлекаться софистами, а заняться охотой как более добродетельным занятием;

«Гиппархик» (или «Об обязанностях начальника конницы») — наставление командующему афинской кавалерией (гиппарху) о средствах к улучшению конницы;

«О верховой езде» — трактат о приобретении и обучении лошади, написанный как продолжение предыдущей работы и предназначенный на этот раз для простого кавалериста и вообще для любого всадника.

Конечно, последнему из перечисленных произведений сам Ксенофонт мог бы отвести в своём творчестве только очень скромное место. И для него самого, и для его современников, так же как, впрочем, и для новых историков и литературоведов, главными среди его работ могут считаться «Анабасис», «Киропедия» и так называемые сократические сочинения; дальше идут, может быть, «Государственное устройство Спарты» и «История Греции», а короткие наставления практического характера — «Кинегетик», «Гиппархик» и «О верховой езде» — представляются наименее существенными. Однако случилось так, что именно благодаря интересующему нас короткому произведению Ксенофонт стал не просто одним из древнегреческих историков, философов и писателей, но занял совершенно особое место в развитии искусства верховой езды как древнего, так и нового времени. Более того, специалисты признают, что изложенные здесь Ксенофонтом идеи о путях достижения наилучших результатов во взаимодействии всадника и лошади продолжают сохранять своё практическое значение, и, таким образом, этот трактат, в отличие от многих других древних «технических» руководств, не только является историческим памятником, но востребован и в наше время в своём первоначальном качестве наставления, рассчитанного на практическую реализацию.

Надо сказать, что в древности специальные работы о лошадях создавал не один Ксенофонт. Хетты уже в XIV веке до н. э. имели подробное руководство о подготовке колесничных коней, составленное митаннийцем Киккули. Несколько более поздним временем датируются аналогичные ассирийские тексты, а также довольно многочисленная древнеиндийская литература по коневодству: написанные Накулой «Ашвачикитса» и «Ашвашастра», «Шалихотрадсарасамуччая» Калханы, «Ашвавайдьяка» Джаядатты Сури, «Йогаманьджари» Вардхаманы, «Ашвавайдьяка» Дипанкары, «Юктикалпатару» и «Шалихотра» Бходжи, «Ашваюрведа» Вагбхатты, «Абхилашитартхачинтамани» Сомешвары и др.

Однако даже в Греции Ксенофонт не был первым. Он и сам отмечает, что на эту тему ранее уже писал «опытный всадник» афинянин Симон. От созданного около 480 года до н. э. трактата Симона сохранился до наших дней лишь незначительный фрагмент, в котором перечисляются признаки хорошей лошади (что по тематике примерно соответствует 1-й главе книги Ксенофонта). Из-за этого произведению Симона, оригинальное название которого остаётся неизвестным, было присвоено условное имя «Περὶ εἵδους καὶ ἐπιλογῆς ἵππων» («О внешнем виде и выборе лошадей»), хотя, как можно понять по ссылкам на него Ксенофонта, содержание работы Симона изначально было более широким и охватывало, в частности, и вопросы верховой езды как таковой.

Другие античные авторы — Варрон, Колумелла, Эвмел, Абсирт, Теомнест, Гиппократ, Гиерокл, Вегетий, Палладий, Хирон — создали ряд работ о содержании, разведении и лечении лошадей. Примечательно однако, что живший в IV веке н. э. Абсирт в своём сочинении находит нужным отметить: «О внешнем виде лошади хорошо написано многими; лучше же всех афинскими мужами Симоном и Ксенофонтом. О выезде же молодых коней, против других, одним Ксенофонтом». Доли оставляют совершенно без внимания и тему подготовки всадника. Единственное исключение, может быть, составлял

трактат Плиния Старшего (I век н. э.) «*De iaculatione equestri*» («Об искусстве конного метания дротика»), который, к сожалению, не сохранился, и поэтому утверждать что-нибудь определённое о нём невозможно.

Вообще, древние авторы, особенно позднеримского времени, проявляют значительно больший интерес к коневодству и ветеринарии, а не к искусству верховой езды. Лошадь была очень дорогим животным. Согласно эдикту императора Диоклетиана (IV век н. э.), максимум цен на беговую лошадь устанавливался в размере 100 000 денариев, на военную — 36 000 денариев, на племенную кобылу — 10 000 денариев, в то время как цирковой лев стоил 150 000 денариев, хорошая корова — 2000 денариев. Недостаточное внимание к здоровью и воспроизводству столь ценных животных было бы для владельцев разорительным. По свидетельству Пелагония, пригодной для соревнований на ипподроме считалась лошадь в возрасте от 5 до 20 лет; для хозяйственных работ использовались лошади в возрасте от 2 до 30 лет. Аристотель и Плиний Старший пишут, что некоторые лошади живут более 50 лет. Эти цифры не уступают современным и свидетельствуют о больших достижениях древних греков и римлян в решении задачи сохранения здоровья и работоспособности животных.

Упадок образованности и культуры в период средневековья привёл к длительному перерыву традиции составления подобных сочинений в Европе. Написанные в период античности работы ещё продолжали сохраняться и переписываться в Византии, но в западных странах они были полностью забыты.

Однако именно в это время множество руководств, посвящённых «фурусийя» — искусству верховой езды, и «байтара» — коневодству и ветеринарии, появляется на мусульманском Востоке. Первое из них — сочинение под названием «Китаб ал-фарасийя» («Книга искусства верховой езды») Якуба ибн Ахи Хизама — было написано ещё в VIII веке; за ним последовал ряд сочинений на арабском и персидском языках, наиболее известным из которых является «Хильят аль-фурсан

ва-ши'ар аш-шудж'ан» («Блеск всадников и признак витязей») Али ибн Абдуррахмана ибн Худайля аль-Андалуси, жившего в XIV веке в Гранадском эмирате.

Видимо, не случайно центрами возрождения западноевропейской традиции создания работ, посвящённых лошадям, стали Италия, всегда имевшая близкие контакты с Византией и к тому же бывшая перевалочным пунктом для возвращавшихся с Ближнего Востока крестоносцев, и страны Пиренейского полуострова, где «христианские короли» вели реконкисту против арабов. Уже в XIII веке появляется ряд ветеринарных трактатов, написанных такими авторами, как Джордано Руффо, Пьер де Крешенци, Хуан Альварес де Саламелья. А около 1430 года было составлено первое и оставшееся единственным в средневековой Европе руководство по искусству верховой езды — «Livro da enssynança de bem cavalgar toda sela» («Книга науки хорошо ездить верхом в любом седле»), которое написал король Португалии Эдуард I (дон Дуарте). Это сочинение интересно тем, что является единственным источником, позволяющим детально изучать технику верховой езды средневекового рыцарства, которая оказывается, вопреки распространённым стереотипам, весьма развитой и гибкой. В то же время ясно, что трактат Ксенофонта остался дону Дуарте неизвестным.

В 1453 году турки захватили Константинополь. Многие образованные греки бежали в Италию. Они привезли с собой древние рукописи, развернули преподавание греческого языка и огромную переводческую деятельность. В Европе расцветала эпоха Ренессанса с её интересом ко всему античному. Тогда же появляется книгопечатание, благодаря которому знания смогли распространяться с невиданной ранее быстротой.

В 1519 году греческий текст Ксенофонта был впервые напечатан в типографии итальянского города Флоренции, а в 1534 году издается его перевод на понятный всем образованным людям латинский язык.

Как раз в это время в Италии под покровительством герцогов Гонзага и д'Эсте развивались школы верховой езды, ко-

торые ставили во главу угла уже не подготовку восседавшего на мощной медлительной лошади тяжеловооружённого конного воина — рыцаря (который в результате совершенствования военного дела вообще и огнестрельного оружия в частности перестал доминировать на поле боя и постепенно вымирал как класс), но — в соответствии с запросами новой эпохи пышных придворных развлечений — подвижность, зрелищность и артистизм искусства, исполняемого для удовольствия зрителей.

Лучшие школы были в Неаполе и Ферраре. Основатель неаполитанской школы Джанбаттиста Пигнателли был первым, кто обнаружил в написанном две тысячи лет назад трактате Ксенофонта ответы на актуальные вопросы, вновь вставшие перед европейскими всадниками. Сочинение Ксенофонта принесло в ренессансное искусство верховой езды античный гуманизм, осватило его классической традицией и стало образцом для новых авторов.

Первым из них был Федерико Гризоне, один из учеников Пигнателли. Его книга «*Gli ordini di cavalcare*» («Основы искусства верховой езды»), изданная в Неаполе в 1550 году, быстро завоевала огромную популярность, была переведена на французский, немецкий, английский и испанский языки и выдержала множество переизданий. Пигнателли и Гризоне считаются основателями классического искусства верховой езды нового времени.

Однако и позднее всадники продолжали учиться у Ксенофонта. Так, важнейшая в его трактате идея «мягких» методов работы с лошадью не была понята первыми итальянскими мастерами; для её восприятия европейскими школами верховой езды потребовалось ещё более полувека. Популярное в последнее время направление «*Natural Horsemanship*», основателем и пропагандистом которого является американский всадник Пат Парелли, тоже напрямую восходит к «мягким» методам Ксенофонта.

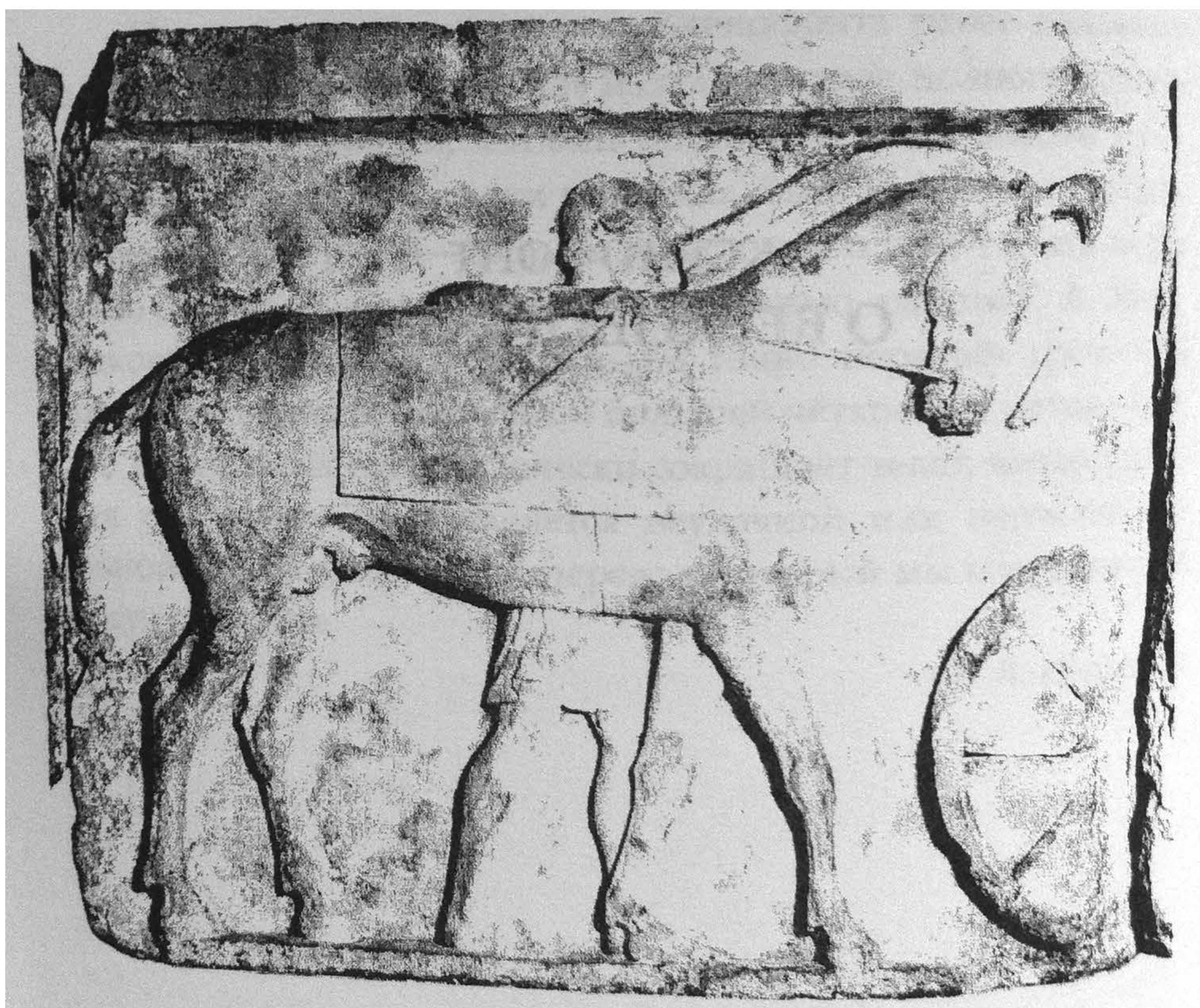
За прошедшие с момента нового открытия Европой Ксенофонта пять веков его работа множество раз издавалась и в

греческом оригинале, и в переводе на латинский и многие новые языки. (В качестве курьёза отметим, что некоторые ранние переводы были озаглавлены весьма оригинально. Например, испанское издание 1564 года выступает под витиеватым названием: «Libro del excelentissimo philosopho, y muy experimentado capitan Xenophon: en el qual tracta del arte militar dela cavalleria y quales han de ser los cavallos y el buen cavallero para la guerra», т. е. «Книга превосходнейшего философа и многоопытного капитана Ксенофонта, в которой рассматривается военное искусство кавалерии, и какие должны быть лошади и хороший всадник для войны».)

На русском языке трактат Ксенофонта ранее издавался только один раз более ста лет назад в составе полного перевода всех его сочинений, выполненного Г. А. Янчевецким («Сочинения Ксенофонта в пяти выпусках. Вып. V. Мелкие статьи». Митава, 1880, стр. 214—236). Не говоря уже о том, что эта книга давно стала библиографической редкостью, работа Г. А. Янчевецкого, к сожалению, не вполне точно передаёт греческий оригинал: видимо, стремясь к большей чёткости и лаконичности, переводчик систематически сокращает текст; интерпретация отдельных фраз является неудачной или недостаточно точной. Необходим новый перевод, который мы и предлагаем на суд читателя.

В. В. Понарядов

**КСЕНОФОНТ
О ВЕРХОВОЙ ЕЗДЕ**

ГЛАВА 1

(1) Поскольку мы много времени посвятили службе в коннице и стали, как полагаем, опытны в верховой езде, то намереваемся разъяснить и нашим младшим друзьям, как, по нашему мнению, будет для них самым правильным обращаться с лошадьми. Конечно, о верховой езде писал и Симон¹ — тот самый, что поставил в Афинах, около Элевсиния², медного коня и изобразил в рельефе на его постаменте свои собственные деяния. Всё же мы не опустим того, в чём нам случается соглашаться с ним, но с ещё большим удовольствием передадим это друзьям, считая себя более достойными доверия, если мнение столь опытного всадника совпадает с нашим. И мы постараемся разъяснить также вещи, о которых он умолчал.

Прежде всего, мы напишем, как не быть обманутым при покупке лошади. Итак, очевидно, что у необъезженного ещё жеребенка следует оценивать тело: ведь в отношении характера он ещё не выказывает никаких вполне определенных признаков.

(2) Из тела же, мы скажем, прежде всего следует исследовать ноги. Ведь как не будет никакой пользы от дома, у которого прекрасна вся верхняя часть, но не хватает подобающего основания, так же не будет ни-

какой пользы и от коня, у которого всё остальное превосходно, но ноги слабы, ибо тогда он не сможет пользоваться и своими достоинствами.

(3) Ноги же следует оценивать, сначала рассматривая копыта. Толстый копытный рог сильно отличается от тонкого в лучшую для ног сторону. Затем нужно не забыть о том, являются ли копыта высокими и спереди, и сзади, или низкими. Ведь высокие копыта держат так называемую стрелку³ далеко от земли, а низкие одинаково ступают и более крепкой, и более слабой частью ноги — точно так же, как кривоногие люди. И по звуку, говорит Симон, хорошие ноги тоже можно определить; он справедливо указывает, что впалое⁴ копыто звучит о землю, как кимвал⁵.

(4) После того как мы начали отсюда, так же перейдём к остальному телу. Итак, нужно, чтобы кости, которые над копытами и под щётками, не были слишком прямыми, как у козы: будучи более жёсткими, они утомляют всадника тряской, и такие ноги часто воспаляются. Но нужно, чтобы кости не были и слишком низкими: в противном случае щётки лишаются волос и ранятся, когда лошадь проходит по комьям земли и камням.

(5) У голеней⁶ же костям следует быть толстыми (они ведь — опора тела), но толстыми не из-за жил и плоти. Иначе всякий раз, когда преодолевается твёрдая земля, они неизбежно переполняются кровью и их вены растягиваются, ноги распухают, и отделяется кожа. И если она отходит, то часто и сместившаяся «шпилька»⁷ заставляет лошадь хромать.

(6) Если жеребёнок мягко сгибает колени при ходьбе, то можешь предполагать, что и при езде он

будет иметь гибкие ноги, потому что все лошади с течением времени мягче гнутся в коленях. Гибкие же колени справедливо ценятся, так как делают лошадь менее спотыкающейся и тряской чем ту, у которой негибкие ноги.

(7) Если плечи⁸ под лопатками толсты, то они окажутся более сильными и красивыми, как и у человека. Более широкая грудь благоприятна и для красоты, и для силы, и чтобы ноги не пересекались, но были более расставленными.

(8) Шея пусть не растёт от груди вперёд, как у кабана, но круто восходит вверх, как у петуха, и пусть будет узкая в изгибе; голова же костистая и с маленькой челюстью. Таким образом, шея будет перед всадником, а глаз разглядит то, что перед ногами. Конь, имеющий такой облик, менее всего способен к неповиновению, даже если он очень горячий: ведь лошади выказывают упрямство не поднимая, но вытягивая шею и голову.

(9) Также следует посмотреть, оба ли края рта одинаково чувствительны или грубы, или только один. Ведь лошади, имеющие их неодинаковыми, становятся по большей части тугоуздыми. Глаз навывкате — свидетельство большей бдительности, чем глубоко посаженный, и он шире видит.

(10) Широкие ноздри, по сравнению с узкими, лучше для дыхания; в то же время они придают коню более грозный вид, ибо он раздувает ноздри всякий раз, когда сердится на другую лошадь или не слушается под всадником.

(11) Затылок большой, а уши маленькие придают голове более подобающую для лошади форму. В свою

очередь, более высокая холка обеспечивает всаднику более уверенную посадку, а плечам и телу — более крепкое соединение. Раздвоенная спина¹⁰, по сравнению с одинарной¹¹, и для сидения мягче, и на вид приятнее.

(12) И более вытянутые, и более расширяющиеся в сторону живота бока делают лошадь удобнее для сидения, и сильнее, и лучше усваивающей корм. А чем шире и короче круп, тем легче конь поднимает перед, и тем легче собирает¹² зад; и пах тогда кажется меньше — а то ведь, будучи большим, он частью делает лошадь некрасивой, частью же ослабляет и утяжеляет её.

(13) Бёдра же, чтобы они соответствовали бокам и груди, должны быть широкими и мясистыми; если они сильны, то будут легче для бега и обеспечат лошади большую быстроту.

(14) Если лошадь имеет бёдра под хвостом широкие, но в то же время не развернутые наружу, то и задние ноги она подводит под себя сильно расставленными; это позволяет ей приседать и скакать более грозно и мощно, и для всего у неё будут преимущества. То же можно видеть и на людях: ведь когда хотят поднять что-либо с земли, то все они скорее пытаются поднимать расставив ноги, а не сведя их вместе.

(15) Яички же коню надо иметь небольшие, что по жеребёнку невозможно рассмотреть. А о задних бабках, или голенях, и щетках, и копытах мы говорим то же самое, что и о передних.

(16) Также хочу написать, как меньше ошибиться в отношении роста. Ибо у которого только что рожденного жеребёнка будут самые длинные голени, тот и становится самым высоким. Ведь с течением времени у

всех четвероногих голени не сильно вырастают в высоту, но остальное тело растёт так, чтобы стать соразмерным по отношению к ним.

(17) Итак, нам кажется, что наиболее преуспеет тот, кто оценивает внешность жеребёнка по хорошим ногам, по силе, по крепости, по изяществу и по росту. И хотя некоторые из них с вырастанием преобразуются, всё же мы уверенно оценим их именно таким образом, ибо значительно чаще красивые вырастают из некрасивых, чем из красивых некрасивые.

ГЛАВА 2

(1) Как нужно объезжать молодых лошадей, нам кажется, незачем описывать. Ведь в конницу зачисляются в городах¹³ те, кто обладает большими средствами и немало участвует в государственных делах. Чем быть объездчиком лошадей, молодому человеку гораздо лучше заботиться о своём собственном физическом развитии и об умении ездить верхом, или, если он уже умеет, о его совершенствовании. Старшему же лучше посвятить время хозяйству, друзьям, государственной и военной деятельности, чем объездке молодых лошадей.

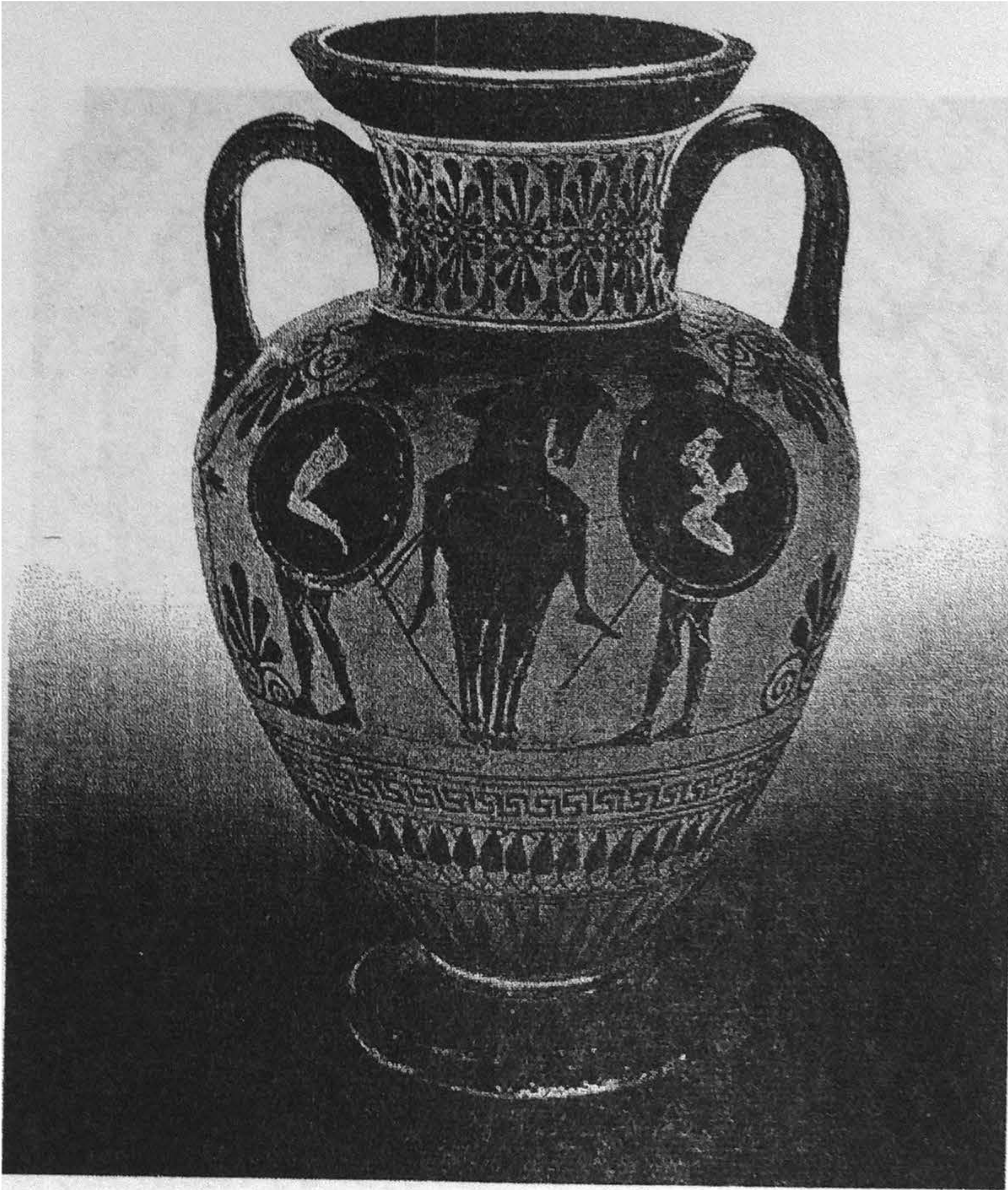
(2) Итак, ясно, что человек, думающий в отношении коневодства то же, что и я, отдаст молодую лошадь на сторону. И следует, чтобы он, как если бы сдавал ребёнка в обучение, прописал в договоре, с какими именно умениями объезжаемую лошадь должны будут возвратить. Ведь для объездчика это будет указанием, о чём он должен заботиться, если намерен получить оплату.

(3) Причём надо позаботиться, чтобы молодой конь передавался объездчику спокойным, послушным и доверяющим человеку. Ведь именно это по большей части делается дома и благодаря конюху, если он зна-

ет, как устроить, чтобы голод, жажда и беспокойство от насекомых появлялись у жеребенка в одиночестве, а пища, питье и избавление от неприятностей — через присутствие людей. Тогда жеребята обязательно будут не только любить людей, но и искать их присутствия.

(4) И следует почесывать лошадь там, где прикосновение ей больше всего нравится. Это самые шерстистые места и те, до которых лошадь, если её что-нибудь беспокоит, не может сама достать.

(5) Пусть конюх получит также указание водить жеребёнка сквозь толпу и приучать его к разнообразным зрелищам и разнообразным звукам. А в отношении того, чего жеребёнок боится, следует учить не сердясь, но успокаивая, что это не страшно. Про объездку молодых лошадей, мне кажется, сказать неопытному человеку, чтобы он поступал именно так, будет достаточно.

ГЛАВА 3

(1) Когда же кто-нибудь приобретает обьезженную лошадь, напишем указания, которые следует знать каждому, не желающему быть обманутым при такой покупке. Итак, пусть, прежде всего, не останется скрытым от него возраст. Ибо лошадь, у которой нет уже зубных знаков¹⁴, не радует надеждами, и в то же время её непросто продать.

(2) Когда же молодость очевидна, то нужно, чтобы не осталось скрытым, как лошадь принимает удила в рот и оголовье на уши. А в наименьшей степени это сокроется, если, осматривая её при покупке, вложить удила, и потом вынуть.

(3) Затем следует обратить внимание, как она принимает на спину всадника. Ведь многие лошади неохотно допускают то, что, как им ясно, если допустить, заставит работать.

(4) Надо посмотреть также и то, не стремится ли конь под всадником уйти от других лошадей, или же, когда бежит мимо стоящих лошадей, не увозит ли он к ним. Есть и такие, которые вследствие плохого обучения убегают с мест езды по направлению к дому.

(5) А тех, у кого края рта неодинаковы по мягкости, обнаруживает упражнение, называемое «путы»¹⁵, или, еще лучше, изменение самого упражнения¹⁶. Ведь многие и не пытаются увезти, если только одновременно не совпадут «неправильная» сторона рта и выход к дому. И следует также узнать, быстро ли удаётся остановить разогнавшуюся лошадь, и охотно ли она поворачивает.

(6) Ещё хорошо бы не упустить проверить, так же ли охотно она откликается на хлыст. Ведь бесполезны, конечно, и непослушный слуга, и непослушное войско; непослушная же лошадь не просто бесполезна, но, хуже того, часто ведёт себя подобно предателю.

(7) А когда мы предполагаем, что лошадь приобретается для войны, то надлежит испытать и всё то, в чём испытывает война. То есть: перепрыгивать рвы, преодолевать ограды, взбегать на возвышенности и спрыгивать вниз. И надо испытать лошадь в движении по склону вверх, и вниз, и поперёк, потому что всё это проверяет силу духа и здоровье тела.

(8) Но всё же не стоит отвергать ту лошадь, которая не выполняет этого хорошо. Ведь многие не преуспевают здесь не потому что не могут, а потому что не умеют. Научившись же, они будут прекрасно делать всё это, если только здоровы и не трусливы.

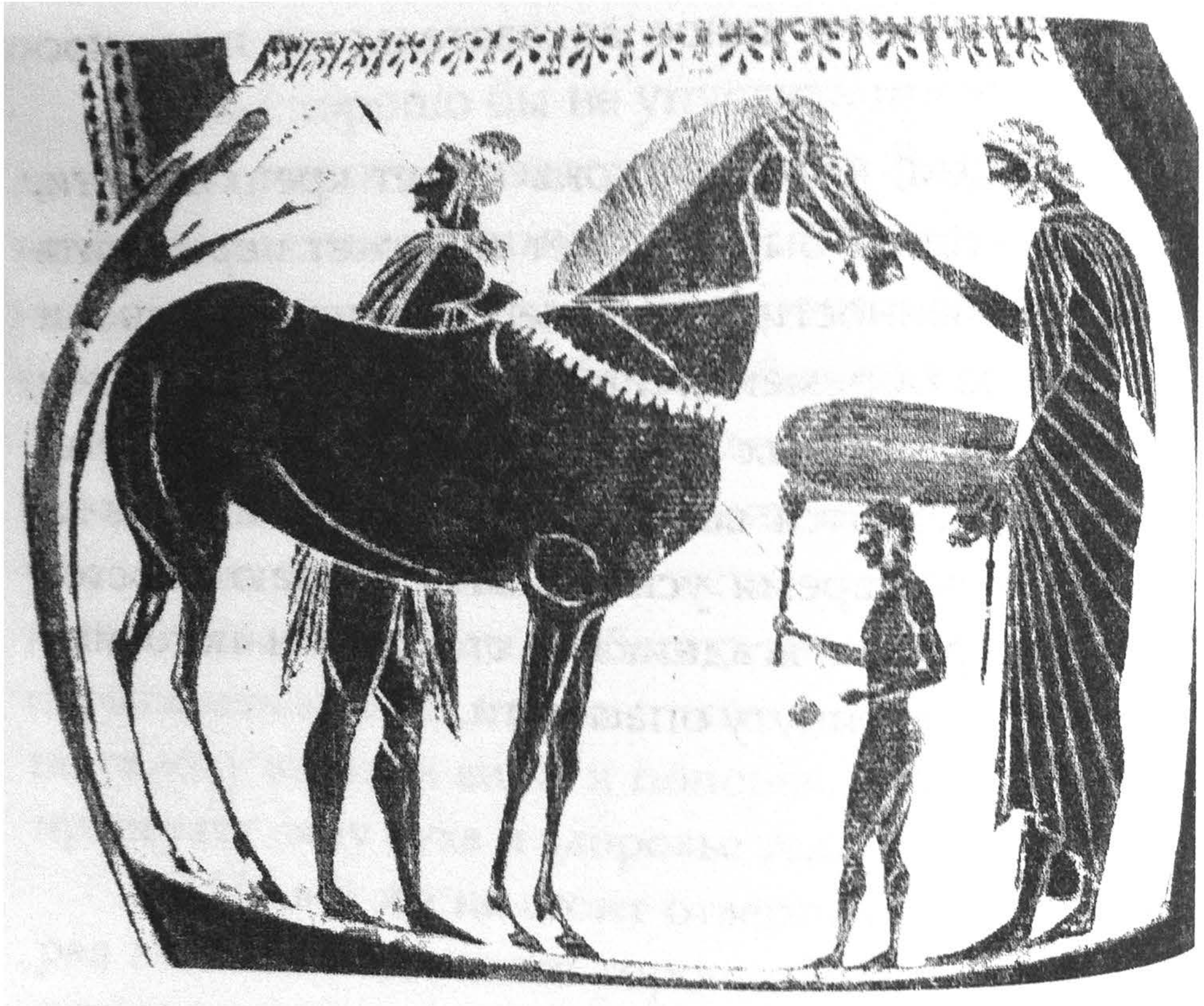
(9) Но следует остерегаться недоверчивых по природе, потому что досаждают врагу со своей спины чрезмерно пугливые лошади не позволяют; всадника же нередко сбрасывают, повергая в опаснейшее положение.

(10) Следует также выяснить, не проявляет ли лошадь злобность, будь то против других лошадей

или против людей, и не боится ли она щекотки: ведь всё это оборачивается трудностями для покупателя.

(11) Препятствование взнуздыванию и посадке всадника и другую норовистость можно лучше выявить, если попытаться с уже работавшей лошадью проделать это ещё раз точно так же, как в начале езды. Когда лошади, уже потрудившись, охотно принимают новую работу, то это явное доказательство их выносливости.

(12) В общем, который конь имеет крепкие ноги, спокоен, достаточно быстр, хочет и может переносить работу и, в особенности, послушен, тот, несомненно, и будет наименее обременителен и наиболее безопасен для всадника в военных перипетиях. Те же, которых из-за лени приходится всё время понукать или из-за горячности — всё время успокаивать, создают постоянные заботы рукам всадника и становятся источником упадка духа в минуту опасности.

ГЛАВА 4

(1) Когда же конь выбран, куплен и приведен домой, хорошо бы конюшне быть в таком месте, где хозяин будет видеть его как можно чаще. Полезно также устроить стойло таким образом, чтобы похитить корм лошади из кормушки было не легче, чем пищу хозяина из кладовой. Как мне кажется, пренебрегать этим — значит, пренебрегать собой: ведь ясно, что во время опасности хозяин вверяет коню своё собственное тело.

(2) Надёжное стойло хорошо не только для того, чтобы корм не похищался, но и потому что если лошадь разбрасывает пищу, это сразу же обнаруживается. Заметивший это поймёт, что коню или требуется лечение тела от чрезмерного полнокровия, или он переутомился и нуждается в отдыхе, или случилась «ячменная болезнь»¹⁷, или ещё какое-нибудь недомогание. Точно так же, как и у человека, у лошади все болезни легче поддаются излечению в начале, чем после того, как они застарели и к ним неправильно относились.

(3) И как нужно заботиться о корме и упражнениях для лошади, чтобы было сильным её тело, так же нужно уделять внимание и ногам. Так, сырость и гладкий пол в стойле вредят и хорошим от природы копы-

там. Чтобы не было сырости, должен быть сток. А чтобы не было гладкого пола, следует иметь закопанные вплотную друг к другу камни, величиной как копыта. Такие вот стойла даже укрепляют ноги у лошадей, которые туда поставлены.

(4) Затем, следует поручить конюху: пусть, когда чистит накормленную утром лошадь, отвязывает её от яслей, чтобы к вечернему корму она шла охотнее. А наилучшая и укрепляющая ноги внешняя левада получится, если рассыпать четыре или пять повозок круглых камней, в обхват ладони размером и по мине¹⁸ весом, окружив их железом, чтобы не рассыпались¹⁹. Тогда, стоя на них, лошадь словно будет проходить по каменистой дороге какое-то время в течение каждого дня.

(5) Когда её чистят или когда докучают насекомые, ей будет необходимо пользоваться копытами точно так же, как когда она шагает. Рассыпанные подобным образом камни укрепляют и стрелки на ногах. Но как нужно заботиться, чтобы копыта были крепкими, так же нужно заботиться и чтобы рот был мягким. Для лошади смягчают те же самые средства, что и для тела человека²⁰.

ГЛАВА 5

(1) Как нам кажется, это дело опытного всадника, чтобы и конюх был обучен своим обязанностям по обращению с лошадыю. Итак, прежде всего ему следует знать о недоуздке, в котором лошадь стоит у яслей, что никогда нельзя завязывать узел там, где надевается затылочный ремень. Ведь лошадь часто чешет голову о ясли, и если около ушей недоуздок не будет безопасным, она часто будет раниться. А поранившись там, лошадь неизбежно станет показывать норов по отношению и к взнуздыванию, и к чистке.

(2) Полезно также велеть конюху ежедневно выносить в одно место навоз и использованную подстилку. Ведь делая так, он и сам удалит их с наименьшим трудом, и лошади принесёт пользу.

(3) Надо также, чтобы конюх умел надеть на лошадь намордник, когда выводит её для чистки или поваляться. И каждый раз, когда он ведёт её куда-нибудь без узды, он должен надевать намордник. Ведь намордник дышать не мешает, а кусаться не позволит, и когда он надет, убережёт от коварных замыслов, которые могут быть у лошадей.

(4) Привязывать же лошадь нужно за верх головы. Ведь если около морды оказывается что-нибудь беспокорящее, лошадь по природе своей приспособлена отдёргивать её вверх. Так привязанная, она, отодвигая голову, скорее ослабит привязь, чем порвёт её.

(5) Когда конюх чистит лошадь, начинать нужно с головы и гривы: ведь то, что внизу, бесполезно чистить, если не будет чистым то, что наверху. Затем, вниз по остальному телу, всеми инструментами для чистки следует поднимать шерсть и вычищать пыль против её роста. А шерсть на спине не следует трогать никаким другим инструментом, но растирать и размягчать руками в том направлении, куда она ложится по природе, — потому что так меньше всего можно повредить место для сидения.

(6) Голову же надлежит омыwać водой, потому что она вся из костей, и если её очищать железом или деревом, то можно повредить лошади. Также нужно увлажнять чёлку, ибо её длинные волосы не мешают видеть, но отгоняют от глаз мух и оводов. И надо полагать, богами даны эти волосы лошади вместо больших ушей, которые они дали ослам и мулам в качестве защиты для глаз.

(7) И также следует мыть хвост и гриву, давая их волосам расти: тем, которые в хвосте, чтобы лошадь лучше отгоняла прилетающих насекомых; тем же, которые в гриве, чтобы всаднику было, за что ухватиться.

(8) Грива, чёлка и хвост даны богами лошади также ради красоты. Доказательством же этому то, что маточные кобылы не допускают ослов к покрытию, пока остаются длинногривыми. По этой причине все,

кто разводят мулов, и обстригают кобыл перед тем, как покрывать их.

(9) А мытьё ног мы отвергаем: ведь пользы здесь никакой, а копытам ежедневное смачивание вредит. И чрезмерной чистки под животом тоже нужно избегать, потому что она особенно беспокоит лошадь; кроме того, чем чище там становятся, тем больше собираются под животом мухи и оводы.

(10) А если кто-нибудь и станет здесь усердствовать, всё равно не успеют лошадь вывести, и она уже не отличается от тех, которые не чистились. Поэтому нужно отказаться от этого. Также и чистку ног достаточно делать просто руками.

ГЛАВА 6

(1) Разъясним также и то, как можно производить чистку наиболее безопасно для себя и с наибольшей пользой для лошади. Ведь если чистить²¹, смотря в одну и ту же с лошадыю сторону, то существует опасность получить удар в лицо коленом или копытом.

(2) Если же во время чистки скрести её, усевшись около лопатки, глядя в противоположную по отношению к лошади сторону и находясь вне досягаемости её ног, то тогда не случится никакой неприятности, и к тому же можно будет, подняв копыто, заниматься уходом за стрелкой лошади. Точно так же чистятся и задние ноги.

(3) Находясь около лошади, следует смотреть, чтобы при выполнении всего того и другого, что нужно делать, как можно меньше приближаться к морде и хвосту. Ведь если лошадь попытается напасть, с обеих этих сторон она сильнее человека. Если же кто-нибудь подходит сбоку, то это наиболее безопасно для него, и он сможет больше всего управляться с лошадыю.

(4) А когда лошадь надо вести, то мы не советуем водить её за собой, так как при этом ведущий наиме-

нее способен оберегаться, а лошадь наиболее свободна делать всё, что пожелает.

(5) В свою очередь, водить лошадь, приучив её ходить впереди на длинном чумбуре, мы также не одобряем, потому что тогда она свободна нападать²² на обе стороны, куда хочет, а также может, развернувшись, становиться навстречу ведущему.

(6) И как можно будет удержать вдали друг от друга нескольких коней, которых ведут таким образом? Лошадь же, приученная, чтобы её водили сбоку, меньше всего может нападать и на лошадей, и на людей; она будет наиболее удобно расположена для всадника и в случае, если ему понадобится быстро садиться верхом.

(7) А чтобы конюх правильно надевал и уздечку, прежде всего пусть он подходит с левой стороны лошади; после этого, перекинув поводья через голову, пусть положит их на холку; оголовье же пусть берёт правой рукой, а удила подносит левой.

(8) И если лошадь их принимает, ясно, что нужно надевать налобник; если же не раскрывает рот, то следует, держа уздечку перед зубами, вставить большой палец левой руки в край рта лошади. Большинство после этого открывают рот, но если лошадь и так не берёт удила, то пусть конюх надавит на губу около клыка, и после этого не берут удила лишь очень немногие.

(9) И пусть конюх будет обучен также следующему: прежде всего, никогда не водить лошадь за повод, потому что от этого чувствительность сторон рта делается неодинаковой; затем, насколько должна отстоять уздечка от краёв рта. Ведь чрезмерно прилегая к ним,

она натирает рот, так что он становится нечувствительным; опущенная же вдоль рта чрезмерно свободно, даёт возможность закусить удила и неповиноваться.

(10) Нужно, чтобы лошадь не выказывала норов в том случае, если приходится выполнять какую-нибудь работу. Ведь, несомненно, очень важно, чтобы лошадь охотно надевала уздечку, потому что та, которая не принимает её, совершенно бесполезна.

(11) Если же лошадь взнуздывается не только тогда, когда предполагается работа, но и когда её ведут кормить, или после езды в конюшню, то будет совсем не удивительно, если она станет брать удила сама, как только их предложат.

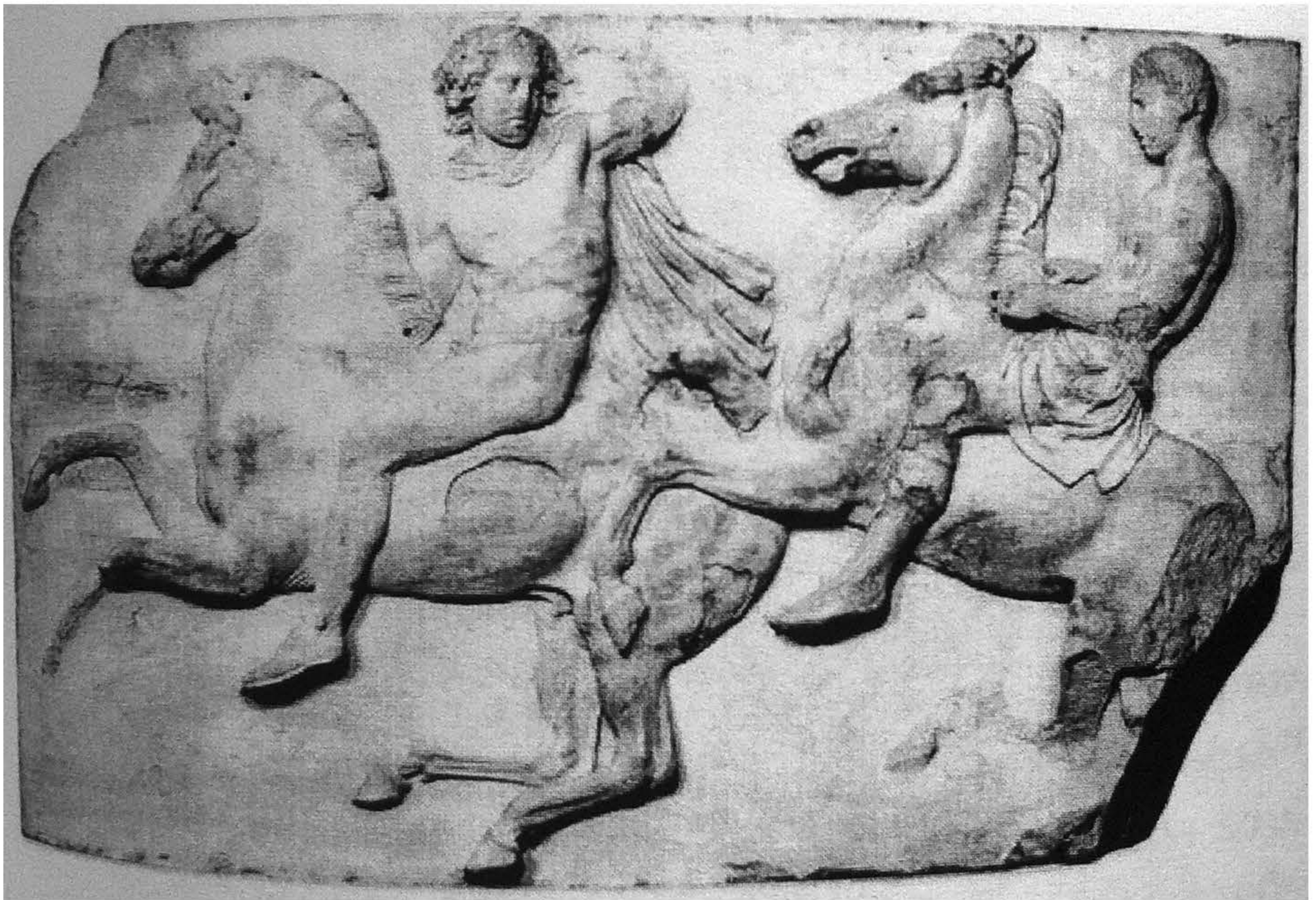
(12) Хорошо бы также конюху уметь подсаживать на коня по персидскому способу, чтобы хозяин и сам, если когда-либо ослабеет из-за болезни или от старости, имел умелого помощника, и кому-нибудь другому мог, если пожелает, предоставить человека, который подсадит.

(13) Никогда не обращаться к лошади с раздражением — это одно наилучшее и предписание, и установление по отношению к ней. Раздражение ведь безрассудно, и поэтому часто совершает то, о чём приходится сожалеть.

(14) И каждый раз, когда испугавшаяся лошадь не хочет к чему-нибудь подходить, её следует учить, что это не страшно, лучше всего используя пример смелой лошади; если же по-другому, то самому всаднику дотронуться до того, что кажется страшным, и подводить лошадь постепенно. Те же, кто принуждает ударами, вызывают ещё больший страх. Лошади ведь думают,

когда подвергаются в этом случае суровому обращению, что и оно исходит от страшного предмета.

(15) А когда конюх передаёт лошадь всаднику, мы не осудим умения лошади приседать так, чтобы было легко садиться. Но, полагаем, всаднику нужно научиться подниматься на лошадь и без такой помощи. Иногда ведь попадаетея и другая лошадь, а иногда и та же самая служит по-другому.

ГЛАВА 7

(1) И вот, когда лошадь передана всаднику готовая под седло, опишем теперь, как во время езды ему поступать с наибольшей пользой и для себя, и для лошади. Итак, прежде всего ему следует удобно взять в левую руку чумбур, прикреплённый к подбородному ремню или к переносью, и так свободно, чтобы — предполагается ли подтянуться, схватившись за гриву около ушей, или же запрыгнуть, опираясь на копьё²³, — не дёрнуть лошадь. И правой рукой пусть он возьмёт около холки поводья вместе с гривой так, чтобы никоим образом, когда садится, не дёргать удилами рот лошади.

(2) Когда же будет вскакивать на лошадь, пусть подтягивает тело левой рукой, а выпрямляя правую, одновременно поднимает себя, ибо так сядься, он не покажет некрасивого вида даже сзади. И пусть, сгибая ногу, не ставит колено на спину лошади, но перебрасывает голень на правую сторону. Когда же перенесёт ногу, тогда и сидалище пусть опускает на лошадь.

(3) Если же случается всаднику вести лошадь левой рукой, а правой нести копьё, то хорошо бы ему, как нам кажется, научиться запрыгивать на лошадь и с

правой стороны. Не придётся усваивать ничего иного, кроме как делать левыми частями тела то, что раньше делал правыми, и правыми то, что раньше делал левыми.

(4) А предлагаем мы и этот способ посадки того ради, что как только всадник окажется верхом, он сразу же будет совершенно готов, даже если неожиданно придётся сражаться с врагами.

(5) И когда он сидит или на неосёдланной лошади, или на чепраке, мы одобряем посадку не как в кресле, но такую, как если прямо стоять с расставленными ногами. Ведь таким образом он и держаться за лошадь бёдрами будет крепче, и, так как выпрямлен, с большей силой сможет, если понадобится, бросать дротики и наносить удары с лошади.

(6) Нужно также, чтобы голень со стопой вниз от колена висела свободно. Ведь если всадник ударится напряжённой ногой обо что-нибудь, он её сломает; расслабленная же голень, если на неё что-то и налетит, уступит дорогу, и даже бедро совсем не сдвинет.

(7) Нужно, чтобы всадник приучал быть как можно более гибким и тело вверх от бёдер, потому что так он сможет ещё лучше действовать, а если его кто-нибудь будет тянуть или толкать, менее может быть сброшен.

(8) И когда всадник садится, прежде всего следует учить лошадь оставаться спокойной, пока он не поправит одежду, не выровняет поводья и не возьмёт копьё так, как будет наиболее удобно. Затем пусть держит левое предплечье прижатым к телу, потому что тогда посадка всадника будет крепче, а рука твёрже.

(9) А поводья мы одобряем такие, которые одинаковы по длине, и не тонкие, и не скользкие, и не толстые, чтобы та же рука могла, если понадобится, принять и копьё.

(10) Когда же всадник указывает лошади идти вперёд, пусть начинает шагом, потому что это спокойнее всего. Пусть направляет поводья руками выше, если конь опускает голову, и ниже, если он слишком высоко её поднимает, потому что так внешний вид будет красивее.

(11) Двигаясь вслед за этим обычной рысью, он постепенно расслабляет своё тело и легко переходит в галоп. И поскольку предпочтительнее начинать слева²⁴, то лучшее всего он начнёт, если посылать лошадь в галоп, когда она на рыси делает шаг левой ногой.

(12) Ибо готовая двигать левую сторону, лошадь с неё и начнёт; когда же будет сгибаться налево, тогда и перейдёт в галоп. Ведь поворачивая направо, лошадь по природе своей устремляется вперёд²⁵ правой стороной, а налево — левой. (13) Упражнение же мы предлагаем то, которое называется «путы»²⁶, потому что оно приучает рот к поворотам на обе стороны. И хорошо бы также менять упражнения, чтобы чувствительность сторон рта выравнивалась на каждом из них.

(14) Мы советуем, чтобы «путы» были более вытянутые, а не круглые. Тогда лошадь, уже насытившаяся прямыми участками, с большим удовольствием будет поворачивать, и одновременно будет обучаться бежать и по прямой, и по кругу.

(15) На поворотах же её нужно сдерживать. Ведь разогнавшейся лошади нелегко и небезопасно быстро

поворачивать, особенно если место будет неровное или скользкое.

(16) Сдерживая лошадь, надо как можно меньше наклонять её поводьями, и как можно меньше наклоняться самому всаднику. Иначе можно быть уверенным, что малейшая причина заставит лежать на земле и всадника, и лошадь.

(17) Когда же из поворота лошадь устремится прямо вперёд, тогда пусть всадник и посылает её бежать быстрее. Ясно ведь, что на войне повороты бывают или чтобы преследовать, или чтобы отступить. Поэтому полезно учиться прибавлять скорость, повернув, сразу же.

(18) Когда же видно, что лошадь уже получила достаточно упражнений, то хорошо бы, дав немного отдохнуть, неожиданно послать её как можно быстрее, как от других лошадей, так и к лошадям. И следует после быстрого бега снова резко остановить, и после остановки повернуть и скакать обратно. Ибо совершенно ясно, что будет случай, когда что-либо из этого понадобится.

(19) А придёт время спешиваться — никогда нельзя спешиваться ни среди других лошадей, ни у скопления людей, ни вне места для упражнений, но где лошадь заставляют работать, там пусть она находит и отдых.

ГЛАВА 8

(1) Ведь случается, что лошади приходится бежать вверх, и вниз, и поперек склона; случается перепрыгивать через препятствия, прыгать в ямы и затем выпрыгивать. И всё это целиком следует учить и упражнять и самому всаднику, и лошади. Тогда они и друг друга смогут спасти, и более полезными окажутся.

(2) Если же кто-нибудь думает, что мы повторяемся, говоря об одном и том же сейчас и прежде, то это не повторение сказанного. Ведь относительно приобретаемой лошади мы советовали испытать, сможет ли она это выполнять. Теперь же говорим, что собственную лошадь следует обучать, и напишем, как необходимо обучать.

(3) Ибо тому, кто получил лошадь, совершенно не учившуюся прыгать, нужно бросить повод и сначала преодолеть канаву самому, а затем следует тянуть за повод, чтобы лошадь перепрыгнула.

(4) А если она не желает, то кто-нибудь с плетью или хлыстом пусть ударит её как можно сильнее, и тогда она перепрыгнет не только ширину препятствия,

но и много больше. И отныне ничего делать не придётся, но лошадь, только заведя, что сзади кто-то приближается, будет прыгать.

(5) Когда же она привыкнет так перепрыгивать, то пусть и под седлом посылается сначала на маленькие, а затем и бóльшие канавы. И как только необходимо прыгать, пусть всадник подталкивает её. Точно так же пусть подталкивает её, обучая прыгать в ямы и из ям. Ибо выполняя всё это собранным телом, лошадь и себе, и всаднику обеспечит большую безопасность, чем если зад у неё будет отставать, когда она совершает прыжок через препятствие, или запрыгивает вверх, или спрыгивает вниз.

(6) Движению вниз по склону надо сначала обучать на мягком грунте. И когда лошадь окончательно привыкнет к этому, она значительно охотнее будет бежать под уклон, чем в гору. А если некоторые боятся, как бы лошади не вывихнули себе плечи, когда их разгоняют вниз по склону, то пусть успокоятся, узнав, что персы и одрисы²⁷, все устраивая скачки под уклон, имеют ничуть не менее здоровых лошадей, чем эллины.

(7) Не упустим мы и того, как всаднику следует содействовать каждому из этих движений. А именно, когда лошадь делает внезапный рывок, нужно нагнуться вперёд, чтобы лошадь не присела и не сбросила всадника; когда же лошадь укорачивает бег, нужно отклониться назад, чтобы не испытывать тряски.

(8) А когда перепрыгиваешь через канаву и едешь в гору, хорошо будет схватиться за гриву, чтобы лошадь не отягощалась одновременно и местностью, и уздой. Под гору же и самому всаднику нужно откло-

ниться назад, и лошадь сдерживать уздой, чтобы и сам, и лошадь не покатились сломя голову вниз по склону.

(9) Будет правильным выполнять упражнения в разных местах и то более, то менее длительные. Ведь это и лошади меньше надоедает, чем совершать всё время в одних и тех же местах одинаковые упражнения.

(10) Когда же необходимо мчаться на лошади во весь опор через самые разные места, крепко сидя на ней и умело действуя оружием с её спины, то там, где имеются подходящие места и дикие животные, наилучшим является обучение верховой езде на охотах. Где же это невозможно, хорошим упражнением будет, даже если два всадника условятся, чтобы один из них скакал на лошади через различные места и удалялся, повернув копьё назад, а другой преследовал, имея дротики с закруглёнными наконечниками и так же сделанное копьё. И когда он приближается на расстояние броска дротиком, поражает убегающего тупыми дротиками, а когда на расстояние удара копьём — бьёт настигнутого копьём.

(11) Хорошо бы, когда они сойдутся, потянуть на себя и неожиданно оттолкнуть противника, ибо это позволяет опрокинуть его. А тому, кого тянут, правильным будет выслать лошадь вперёд: ведь сделав так, он скорее опрокинет тянущего, чем упадёт сам.

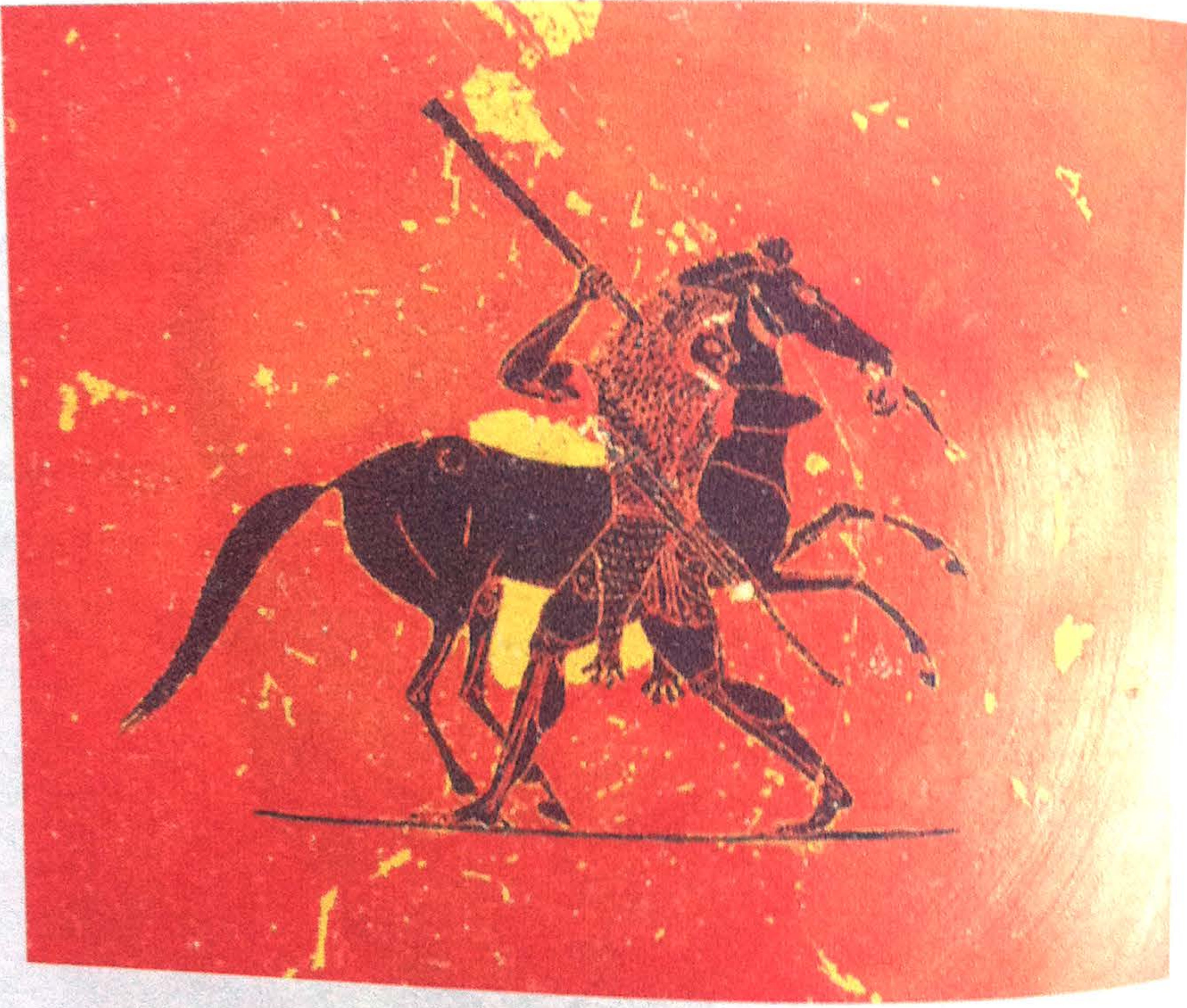
(12) Если же когда-нибудь поставлено напротив вражеское войско и происходят стычки конных отрядов, и преследуют противников до вражеской фаланги, а отходят до своей, то здесь полезно помнить, что пока находишься около друзей, будет доблестным и

безопасным среди первых разворачиваться и атаковать во весь опор, но когда оказываешься около врага, держать лошадь в повиновении. Ибо так, конечно, лучше всего удастся, поражая противников, не быть поражаемым ими.

(13) Ведь людям богами дано обучать человека тому, что следует делать, словом. Но ясно, что лошадь словом ничему не научишь. Если же каждый раз, когда лошадь делает то, что задумано, поощрять её, а когда не слушается — наказывать, то она таким образом лучше всего научится исполнению должного.

(14) И хотя об этом правиле можно сказать коротко, оно проходит через всё искусство верховой езды. Ведь и удила лошадь возьмёт скорее, если когда она принимает их, ей делают что-то хорошее. И будет прыгать через ширину и высоту препятствий, и исполнять всё остальное, если ожидает после того, как выполнит требуемое, какой-то отдых.

ГЛАВА 9

(1) Это было рассказано, как не быть обманутым, покупая жеребёнка или лошадь, как не испортить её обращением, и как лучше всего придать лошади те качества, которые нужны всаднику на войне. Пожалуй, пришло время написать и о том, как будет наиболее правильно поступать, если случится когда-нибудь пользоваться чрезмерно горячей или ленивой лошадью.

(2) Итак, прежде всего следует знать, что норовистость для лошади — это то же самое, что вспыльчивость для человека. Поэтому точно так же, как человека меньше всего рассердишь, не говоря и не делая ничего грубого, так и горячую лошадь меньше всего распалит тот, кто ей не досаждаёт.

(3) Следовательно, сразу же нужно учиться, чтобы при посадке на лошадь садящийся как можно меньше беспокоил её, а когда сел, дольше оставлял лошадь стоять на месте, и начиная движение, посылал вперёд самыми спокойными знаками. А затем, начиная с самого медленного шага, опять так посылать её быстрее,

чтобы лошадь переходила в быстрый бег как можно более незаметно.

(4) Всякая неожиданная команда возбуждает горячую лошадь так же, как человека внезапные виды, звуки и ощущения. Надо учитывать, что у лошади всё неожиданное также порождает волнение.

(5) И если всадник хочет сдержать горячую лошадь, которая разгоняется до слишком быстрого бега, не следует внезапно дёргать её, но спокойно придерживать поводом, успокаивая, а не принуждая, чтобы она побежала медленнее.

(6) Притом долгая езда лучше, чем частые повороты, укрощает лошадей; спокойная езда успокаивает, укрощает и не возбуждает норовистую лошадь.

(7) А если кто-нибудь рассчитывает успокоить лошадь, заставив её утомиться тем, что будет ездить быстро и много, то его ожидания не оправдаются²⁸. Ведь именно в таких обстоятельствах норовистая лошадь и больше всего пытается пересилить, и, словно вспыльчивый человек, сгоряча часто причиняет и себе, и всаднику много непоправимого.

(8) Горячую лошадь вообще необходимо удерживать, чтобы она не разгонялась, но совсем нельзя допускать соперничества её с другой лошадью, потому что самые упрямые в соперничестве и оказываются самыми норовистыми из лошадей.

(9) А удила более подходят мягкие, чем строгие. Если всё же использованы строгие, то ослабляя воздействие, их нужно делать похожими на мягкие. Хорошо бы всаднику научиться оставаться в покое на горячей лошади и как можно меньше касаться её чем-

либо другим, кроме того, чем мы её касаемся, чтобы крепко сидеть.

(10) Следует также знать, что существует обычай учить лошадей, чтобы свист²⁹ их успокаивал, а прищелкивание языком понукало. Но если кто-нибудь с самого начала с прищелкиванием сочетает ласку, а со свистом — суровость, лошадь научится воспринимать свист как понукание, а прищелкивание языком её будет успокаивать.

(11) Таким же образом при криках и при звуках труб³⁰ необходимо не показывать лошади своего замешательства и, конечно, не делать ничего, что могло бы её возбудить, но, насколько это возможно, дать ей в этом случае отдохнуть и, если позволяет время, принести ей утренний и вечерний корм.

(12) Самый же превосходный совет — не приобретать слишком горячую лошадь для войны. А о ленивой лошади мне кажется достаточным написать, чтобы делалось всё противоположно указаниям, данным нами по обращению с горячей лошадью.

ГЛАВА 10

(1) Если же кто вдруг захочет пользоваться пригодной для войны лошадыю так, чтобы ездить на ней с самым блестящим и замечательным видом, то следует избегать рвать рот удилами, прищипоривать и хлестать лошадь. Многие, поступая так, думают, что красуются, но ведь делают-то они всё противоположно тому, чего желают достигнуть.

(2) Когда тянут за рот вверх, они, вместо того, чтобы давать видеть впереди, ослепляют лошадей, а прищипоривая и ударяя, сбивают их с толку, так что лошади приходят в смятение и сопротивляются. Такое поведение бывает у лошадей, которые больше всего отягощаются ездой и ведут себя безобразно и некрасиво.

(3) А если кто приучит лошадь ходить на свободном поводе и держать шею вверх, наклонив голову, тогда он даст лошади делать то, чем она и сама наслаждается и гордится.

(4) Вот свидетельство того, что им это действительно нравится: всякий раз, когда конь бежит к дру-

гим лошадям, а особенно когда к кобылам, он горделиво тянет шею как можно выше и выгибает как можно сильнее голову, высоко возносит гибкие ноги, и хвост тоже поднимает вверх.

(5) Поэтому если кто-нибудь приводит лошадь в такой вид, который она сама принимает, когда красуется, то он показывает её радующейся езде, великолепной, грозной и замечательной. Именно то, каким образом мы считаем возможным этого добиться, мы сейчас и постараемся рассказать.

(6) Итак, прежде всего нужно иметь не менее двух уздечек. Пусть одни удила будут гладкие, с очень большими кольцами, а другие с тяжёлыми и маленькими кольцами и с острыми шипами, чтобы лошадь, когда возьмёт их, чувствовала неприятную грубость и из-за этого их выбрасывала. Когда же она возьмёт гладкие, то обрадуется их мягкости, и чему научилась со строгими удилами, то будет делать и с мягкими.

(7) Но поскольку лошадь, пренебрегая мягкими удилами, часто закусывает их, то из-за этого мы прибавляем большие кольца к гладкому, чтобы они заставляли её широко открывать рот и отпускать грызло. И ещё можно по-разному работать строгими удилами, усиливая натяжение поводьев или ослабляя.

(8) Но какие бы ни были удила, все они пусть будут гибкими. Ведь жёсткие, как конь их ни возьмёт, будет целиком держать во рту. Это как вертел: за какое место ни возьми, поднимешь целиком.

(9) Гибкие же ведут себя, как цепь: какую часть у них ни возьми, негнущейся останется она одна, а остальное повиснет. Лошадь, пока ловит во рту то, что ускользает, отпускает удила. Для того и привешивают-

ся кольца посередине звеньев, чтобы конь, двигая их языком и зубами, не пытался зажать удила в челюсти.

(10) Если же кто-нибудь не знает, какие из удили являются гибкими, а какие жёсткими, мы опишем и это. А именно, гибкими бывают те, которые имеют широкие и гладкие сочленения, так что они легкогибаются, и вообще все части, которые прилегают к звеньям удили с просветами и не плотно, будут более гибкими.

(11) А если каждая часть удили движется и присоединяется с трудом, то они бывают жёсткими. Но какими бы удилами кто ни пользовался, ими нужно, если только желаешь показать коня таким, как сказано, выполнять все одни и те же действия, и вот какие.

(12) Следует тянуть лошадь за рот не настолько сильно, чтобы она уклонялась³¹, и не настолько слабо, чтобы она не чувствовала. Но как только в ответ на натяжение она поднимет шею, нужно сразу же ослабить поводья. Подобным же образом и в других случаях, как мы не перестаём говорить, за то, что лошадь выполняет хорошо, необходимо поощрять её.

(13) И когда заметно, что лошади приятно поднимать шею и идти с ослабленными поводьями, в этом случае не нужно прилагать никакой суровости, словно принуждая к работе, но ласкать, как перед отдыхом, ибо так они увереннее переходят к быстрому бегу.

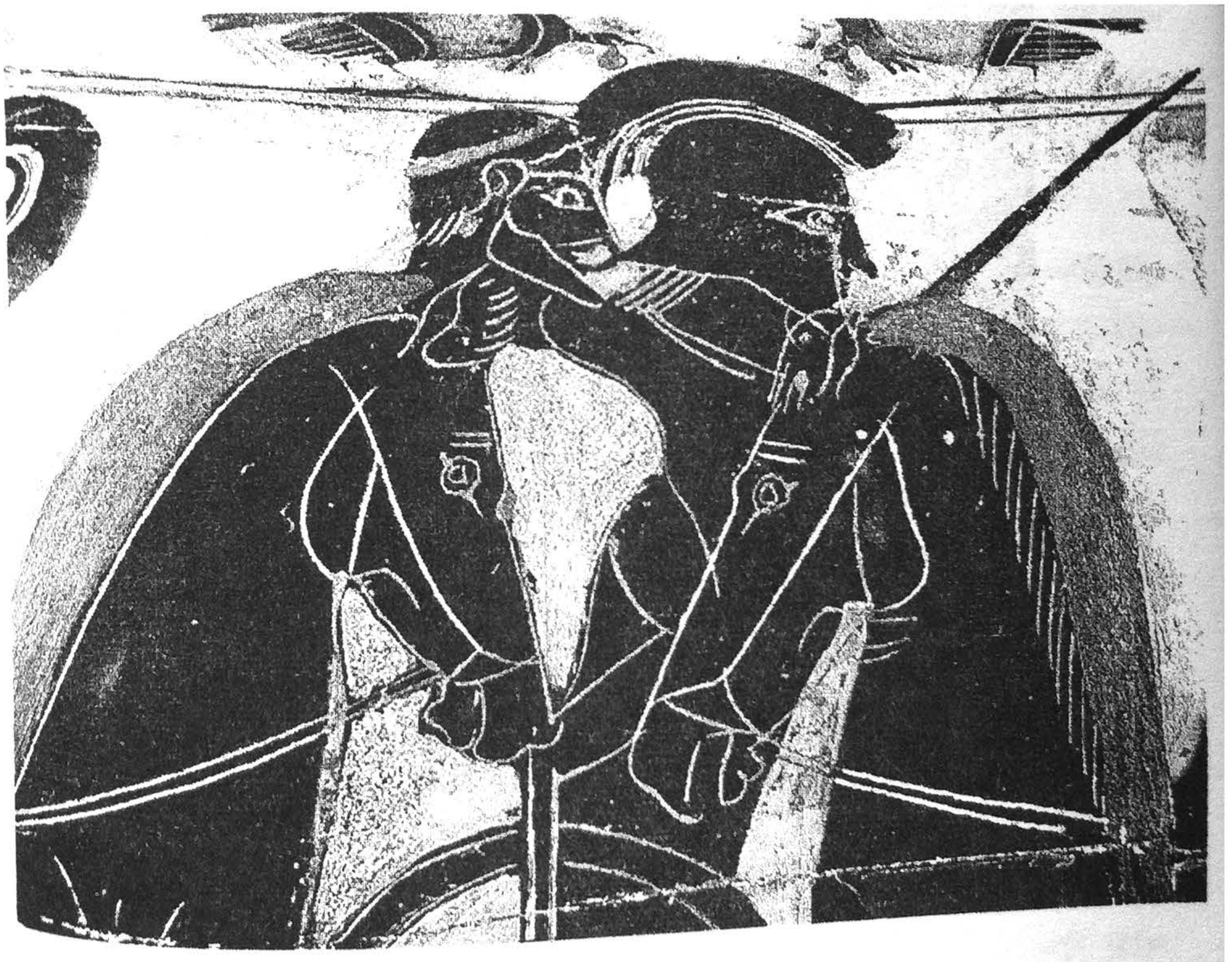
(14) И вот свидетельство того, что быстро бежать доставляет лошади удовольствие: ведь сорвавшись с привязи, никакая лошадь не идёт шагом, но бежит. Ибо она создана наслаждаться этим, если только кто-нибудь не принуждает её бежать сверх меры. А что

выходит за надлежащую меру, то никогда не бывает приятно ни лошади, ни человеку.

(15) Конечно же, когда лошадь достигает умения держаться с достоинством во время езды, она, вероятно, уже обучена нами в прошлых упражнениях увеличивать скорость после поворотов. И если, приучив её к этому, одновременно сдерживать уздой и посылать вперёд, то оттого, что её и сдерживают, и дают знаки к продвижению, она возбуждается, и грудь выдвигает вперёд, а ноги поднимает вверх энергично, а не вяло, потому что, конечно, в возбуждении ноги у лошадей не бывают вялыми.

(16) А если разгорячённой таким образом лошади отдать повод, тогда она, радуясь чувству свободы от ослабления действия удила, бежит с изящной осанкой, горделиво ступая гибкими ногами, и полностью подражает тому, как красуется перед другими конями.

(17) Все, кто видят такую вот лошадь, называют её благородной, усердной, хорошо выездженной, горячей и гордой, и в то же время приятной и грозной на вид. И об этом, если кому желательно, пусть будет написано нами досюда.

ГЛАВА 11

(1) Если же кто-нибудь захочет обладать парадной лошастью с гордой осанкой и яркой внешностью, то такие качества достигаются вовсе не у всякой лошади, но необходимо, чтобы у неё были благородный дух и крепкое тело.

(2) Конечно, некоторые думают, что лошадь, имеющая гибкие ноги, сможет поднимать и корпус, но это не так. Лучше, если она имеет гибкую, короткую и крепкую поясницу, — причём мы говорим не о той части, что идёт к хвосту, но о той, что находится между ребрами и бёдрами вниз к паху. В таком случае она сможет далеко подводить задние ноги под передние.

(3) Если в это время лошадь осаживать поводом, то она будет приседать, сгибая задние ноги в путовых суставах, а переднюю часть корпуса поднимет, так что из позиции спереди будут видны живот и нижние части. И как только она это сделает, нужно отдать ей повод, чтобы она выполняла самые красивые для лошади действия охотно и показывала это зрителям.

(4) Конечно, есть люди, которые и этому учат или ударяя хлыстом под бабками, или же приказывая кому-нибудь бежать рядом и ударять палкой под бёдра.

(5) Но, как мы всегда говорим, мы считаем наилучшим способом обучения, если вслед за всем, что лошадь делает согласно желанию всадника, ей бывает поощрение от него.

(6) Ведь то, что лошадь делает по принуждению, как и Симон говорит, и непонятно для неё, и некрасиво. Это ничуть не лучше, чем если бы кто-нибудь стал подгонять и подстёгивать танцора. Подвергаясь всему этому, и лошадь, и человек много скорее будут представлять безобразие, чем красоту. А нужно, чтобы самое красивое и блестящее показывалось всегда охотно, как только подашь знак.

(7) Если же гонять коня во время езды до обильного поту, а как только он красиво поднимется, быстро спешиваться и разнуздывать его, то должно быть хорошо видно, что поднимается он с удовольствием.

(8) Вот на таких-то конях верхом и изображаются и боги, и герои; и мужи, если с ними красиво обращаются, выглядят великолепными.

(9) Гарцующая так лошадь, конечно же, настолько прекрасна, удивительна и замечательна, что приковывает взгляды всех, кто её видит, — и молодых, и старых, — так что никто не уходит и не устаёт смотреть, когда она показывает своё великолепие.

(10) Если же когда случится кому, владея таким конём, быть филархом или гиппархом³², то не следует ему печься о том, чтобы блистать только самому, но много больше о том, чтобы были достойны созерцания все те, кто за ним следуют.

(11) Если он будет ехать впереди так, как больше всего хвалят таких вот коней, — чтобы конь высоко поднимал корпус и тяжеломерно шествовал короткой

поступью, — то ясно, что и другие лошади должны будут следовать за ним шагом. И чего же блестящего может получиться из этого зрелища?

(12) Но если он, разгорячив коня, поедет впереди не слишком быстро и не слишком медленно, а так, как получают самые весёлые, гордые и готовые работать лошади, — если он так будет возглавлять их, то его будут сопровождать общий топот, общее фырканье и храпение лошадей, так что не только он сам, но и все те, кто за ним следуют, будут притягивать внимание.

(13) Тому же, кто удачно покупает лошадей, кормит так, что они могут переносить труды, правильно использует их и в упражнениях для войны, и в выездах на смотры, и в боевых столкновениях, — что может воспрепятствовать ему делать коней еще более ценными, чем он их берёт, обладать прославленными конями и славиться самому в искусстве верховой езды, если только какой-нибудь злой дух не станет препятствовать?

ГЛАВА 12

(1) Желаем мы написать и о том, как следует снаряжаться тому, кто намерен сражаться верхом на лошади. Прежде всего, мы считаем нужным, чтобы панцирь был сделан по размеру³³, потому что если он хорошо облегает, то держится всем телом, а чрезмерно широкий — только на плечах. Тот же, который слишком узок, — это, конечно, узы, а не вооружение.

(2) Поскольку одним из уязвимых мест является шея, мы считаем нужным, чтобы из самого панциря был устроен соответствующий покров и для неё. Он одновременно обеспечит и нарядный вид, и, если будет сделан должным образом, закроет по желанию всадника его лицо до самого носа.

(3) Шлём же наилучшим будет, мы считаем, беотийской работы, ибо он лучше всего прикрывает всё, оставленное без защиты панцирем, и не мешает обзору. Но панцирь, в свою очередь, пусть будет изготовлен так, чтобы не мешал ни сидеть, ни нагибаться.

(4) У живота, срамных частей и кругом пусть будут прикрытия такого устройства и величины, чтобы защищать эти члены.

(5) Поскольку же и левая рука, если будет как-нибудь повреждена, выводит из строя всадника, то мы

одобряем и для неё изобретённый доспех, называемый «рука»³⁴. Ведь он защищает и плечо, и предплечье, и локоть, и где держится повод; и может распрямляться и сгибаться; и сверх того прикрывает незащищенную панцирем подмышку.

(6) Однако же правую руку приходится поднимать, захочешь ли метнуть дротик или нанести удар. Поэтому нужно убрать у панциря то, что ей мешает; вместо этого гибкая чешуя³⁵ в сочленении при поднятии руки соответственно раскрывается, а при опускании закрывается.

(7) Нам кажется, что для предплечья доспех, накладываемый как поножи, будет лучшей защитой, чем соединённый с панцирем. Место же, обнажаемое при поднятии правой руки, должно быть прикрыто вплотную к панцирю или телячьей кожей, или медью: иначе будет незащищённой самая уязвимая часть.

(8) Поскольку же если что-нибудь случается с конем, во всевозможной опасности оказывается и всадник, то и коня следует снабдить налобником, нагрудником и набедренниками, причём последние одновременно оберегают бёдра и всаднику³⁶. Но больше всего следует защищать у лошади бока, ибо они, будучи самой жизненно важной частью, являются и наиболее уязвимыми. Защитить же их можно с помощью чепрака.

(9) Также и седло³⁷ следует сшить таким, чтобы оно и всаднику обеспечивало самую крепкую посадку, и лошади не повредило спину. Подобным же образом и конь, и всадник пусть будут снабжены и всем остальным снаряжением.

(10) Хотя голени и ступни находятся, разумеется, поверх набедренников, они тоже будут защищены, если башмаки окажутся из выделанной кожи, из какой изготавливаются сандалии. Пусть, таким образом, обувь будет одновременно и защитой для голеней и ступней.

(11) Итак, это было снаряжение, чтобы по соизволению благосклонных богов не терпеть ущерба. А чтобы наносить ущерб врагам, саблю³⁸ мы одобряем больше, чем меч³⁹: ведь всаднику, который наверху, удар саблей⁴⁰ вернее, чем мечом, приносит пользу.

(12) Вместо же длинного копья с тростниковым древком, которое и не прочно и неудобно, мы скорее предпочитаем два кизиловых дротика. Ведь если умешь, один из них можно бросить, а единственным оставшимся действовать и вперёд, и по бокам, и назад; и одновременно они прочнее и удобнее для ношения, чем копье.

(13) Расстояние же броска мы предпочитаем самое далёкое, потому что тогда время даёт больше возможности и развернуться, и поменять⁴¹ дротик. Напишем кратко и о том, как лучше всего его бросать. Ведь если бросить, выставив левую сторону вперёд, а правую отведя назад, привставая на бёдрах и немного приподняв остриё вверх, то дротик понесётся наиболее сильно и далеко, и к тому же наиболее метко, если только остриё при броске всегда смотрит в цель.

(14) Итак, пусть это будут написанные нами наставления, поучения и упражнения для обычного человека. А что подобает знать и исполнять гиппарху, разъяснено в другой книге⁴².

ПРИМЕЧАНИЯ

1. От произведения Симона, которое, как предполагают, было написано около 480 года до н. э., до нас дошли лишь незначительные фрагменты.

2. Элевсиний — святилище богини Деметры в Афинах.

3. Стрелка — клинообразное углубление на подошве копыта лошади.

4. Т. е. копыто с развитой стрелкой.

5. Кимвал — древний музыкальный инструмент: металлические тарелки или полушария, которыми ударяют друг о друга.

6. Здесь и далее терминология Ксенофонта при описании ног лошади с анатомической точки зрения часто является неправильной, но в переводе она сохранена, поскольку эти неточности не мешают ясному пониманию текста.

7. Анатомически не ясно.

8. Букв. «бёдра».

9. Из греческого текста не ясно, имеется ли в виду более крепкий хват всадником плечей лошади, или же более крепкое сочленение ног и тела последней.

10. Т. е. толстая, с утопленным хребтом.

11. Т. е. с выпирающим хребтом.

12. Букв. «подводит вперёд».
13. Подразумевается — в древнегреческих полисах.
14. Возрастом старше 5 лет.
15. Езда по маршруту в форме восьмёрке.
16. Т. е. езда в обратном направлении.
17. Ламинит (воспаление копыт, возникающее от переизбытка калорийных кормов в рационе лошади).
18. 1 мина = 436,6 г.
19. Видимо, имеется в виду создание железного бортика вокруг покрытого камнями пространства, хотя оригинальный текст может быть понят и как рекомендация оправить в железо каждый камень.
20. Масло, массаж и т. п.
21. Описывается чистка передних ног, хотя в тексте соответствующее указание опущено.
22. Букв. «делать зло».
23. Для этой цели на древке копья делался специальный выступ, служивший опорой для ноги всадника.
24. Т. е. переходить в галоп с левой ноги.
25. Лошадь дальше выбрасывает вперёд соответствующую переднюю ногу, что хорошо заметно и всаднику по работе мышц в области лопатки.
26. См. примечание 15.
27. Одрисы — одно из фракийских племён.
28. Букв. «он думает противоположно тому, что случится».
29. Или причмокивание — какой-то звук, издаваемый губами.
30. Т. е. при шуме битвы.
31. Т. е. заворачивала голову набок.

32. Филарх — младший кавалерийский командир. Гиппарх — начальник афинской конницы. Всего в Афинах было 10 филархов и 2 гиппарха.

33. Букв. «по телу».

34. Доспешный рукав.

35. Или «подвижный шарнир».

36. Такие набедренники, похожие на крылья, были характерны для персидского конского доспеха.

37. Здесь седло (ἔποχον) недвусмысленно рассматривается как предмет, отдельный от чепрака (ἐφίππιον).

38. μάχαϊρα — сабля, кривой меч.

39. ξίφος — меч с прямым клинком.

40. копίς — персидская сабля; видимо, в данном случае как эквивалент к μάχαϊρα.

41. Т. е. взять в правую руку другой дротик вместо брошенного в цель.

42. Имеется в виду сочинение Ксенофонта «Гиппархик».

ЛИТЕРАТУРА

Сочинения Ксенофонта в пяти выпусках / Пер. Г. А. Янчевецкого. Вып. V. Мелкие статьи. Митава, 1880.

Ξενοφώντος τὰ σωζόμενα. Paris, 1841.

Xenophontis opera omnia / Ed. E. C. Marchant. Vol. 5. Oxford, 1920

Xenophon. De re equestri / Ed. K. Widdra. Leipzig, 1964.

The Works of Zenophon / Trans. H. G. Dakyns. Vol. III, part II. London, 1897.

Xenophon. The Art of Horsemanship / Trans. M. H. Morgan. London, 2002.

Xenophon. De l'art equestre / Trad. E. Delebecque. Paris, 1950.

Senofonte. Sull'equitazione. L'ipparco / Trad. T. Parmeggiani, A. Sozzifanti. Milano, 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

О Ксенофонте и его трактате. В. В. Понарядов .	5
<i>Ксенофонт. О верховой езде</i>	17
Глава 1	19
Глава 2	25
Глава 3	29
Глава 4	33
Глава 5	37
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	63
Глава 11	69
Глава 12	73
Примечания	77
Литература	79

Ксенофонт О верховой езде

*Перевод с древнегреческого, вступительная статья и примечания
Вадима Васильевича Понарядова*

Технический редактор: Игушева А.И.
Подписано в печать 24.08.2005.
Бумага офсет. Формат 60x84/16. Гарнитура Palatino Linotype
Уч.-изд.л. 4,0. Усл.-печ.л. 5,1. Тираж 300. Заказ № _____
Отпечатано на участке оперативной полиграфии ГОУ ДПО КРИОиПК.
167000, г.Сыктывкар, ул. Орджоникидзе, 14. Тел.: 24-46-79.